

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Чары

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2474545

Аннотация

«Представьте себе великосветский бал, салон, залитый огнями, ряды декольтированных дам попеременно с расшитыми мундирами и безупречными фраками мужчин. И вот на эстраде, сплошь загороженной зеленою, высоко над морем человеческих голов появляется «он». Черные кудри падают на плечи, черные, бархатные, сверхъестественные глаза смотрят вперед с холодным величием, рука – длинная, выхоленная, прекрасная рука артиста небрежно обтирает платком деку скрипки и потом также небрежно бросает этот платок на рояль...»

Александр Иванович Куприн

Чары

– Неужели вам до сих пор не наскучило приставать ко мне с одним и тем же вопросом?.. А еще называете себя моим верным другом... Разве верные друзья бывают так нескромны, чтобы спрашивать у женщины, кого она в своей жизни любила? Что вы говорите? Ревность? Ай, ай, ай! Как не стыдно! Разве вы не помните нашего уговора, что после первого намека с вашей стороны на нежные чувства я отзываю по слов и объявляю между нами войну?

А впрочем... возьмите щипцы и помешайте уголья в камине... Впрочем, если уж на то пошло, я расскажу вам трагикомическую историю моего первого увлечения. Только я заранее беру с вас слово не смеяться... Это было бы мне очень грустно. Начало истории очень романтично. Представьте себе великосветский бал, салон, залитый огнями, ряды декольтированных дам попеременно с расшитыми мундирами и безупречными фраками мужчин. И вот на эстраде, сплошь загроможденной зеленью, высоко над морем человеческих голов появляется «он». Черные кудри падают на плечи, черные, бархатные, сверхъестественные глаза смотрят вперед с холодным величием, рука – длинная, выхоленная, прекрас-

ная рука артиста небрежно обтирает платком деку скрипки и потом также небрежно бросает этот платок на рояль. Тишина... робкие аккорды прелюдии... сердце замирает в каком-то сладком ужасе, когда первые звуки вторгаются в него с нежной настойчивостью. Нет больше ни сияющей залы, ни наставлений «тапан», ни чопорных соседей, остаются только звуки и вдохновенные, то страстные, то горящие мрачным огнем, то ликующие глаза.

Дальше представьте себе наивную, только что начавшую выезжать девушку-институтку, с головой, набитой романтическим вздором, жадной необычайного и возвышенного... Одним словом, завязка для вас выяснилась. Не правда ли? Мой скрипач был *tres repandu*¹ в высшем свете, который так жадно бросается на все новое, выдающееся и наделавшее шума. Ему давали прозвания «второго Паганини» и «второго Сарасате», его нарасхват приглашали на вечера, перед ним заискивали. Дамы находили в нем что-то демоническое.

Сойдя с эстрады, он держался в обществе безукоризненно-импонирующим образом. Сколько раз, глядя на его задумчивый и гордый профиль, я с мучительным любопытством думала о его интимной жизни, о людях, которые его окружают, о его многочисленных победах женских сердец. Я уже знала из книжек, что великие люди осуждены на вечное одиночество в шумном мире. И я мечтала... впрочем, мало ли о каких глупостях может мечтать взбалмошная деви-

¹ широко известен – *фр.*

чья голова. Однажды я решилась написать ему письмо (конечно, с вымышленною подписью и с просьбой ответить в почтамт «до востребования»), дикое, восторженное письмо. Он ответил, и между нами завязалась переписка, из которой я еще раз убедилась в справедливости книжного афоризма. Мой артист глядел на жизнь с усталостью и презрением, не примиряясь с людской пошлостью, мелочностью, завистью и непониманием порывов творческой души. При этом он изливался в благодарностях чуткому женскому сердцу, оценившему его. Нечего и говорить, что это чуткое женское сердце принадлежало мне.

Летом переписка прекратилась, потому что мы уехали на дачу. Маман нарочно выбрала очень отдаленную от города местность. Она находила, что после утомительного зимнего сезона мне необходимо подкрепить свои силы свежим воздухом деревни. Впрочем, я думаю, тут имели значение и экономические интересы.

Нашим ежедневным гостем сделался кавалерийский генерал с прекрасным будущим, представительный и свежий сорокалетний холостяк. Он был очень занимателен и любезен; и я находила только, что его волосы и брови могли бы менее отливать фиолетовой краской.

Генерал возил мне цветы и конфеты. Маман не раз с очень прозрачной хитростью заводила разговор о том, какую хорошую он представляет партию для девушки с не особенно большим приданым. Когда же генерал в разговоре назы-

вал себя с раскатистым смехом стариком, она энергично и досадливо протестовала. Но мое сердце было переполнено демоническим артистом. «Если не он, то никто!» – решила я с той бесповоротностью, которая составляет преимущество семнадцатилетних романтических героинь. И наверно, я осталась бы при своем решении, если бы не случилось маленького неприятного обстоятельства. Однажды мы возвращались домой, сделав прогулку по роще и напившись там молока: я, татап и наш генерал. Я отстала. Они не заметили этого, потому что были всецело заняты соображениями: в какой степени родства находилась кухня генерала с зятем татап.

Когда я проходила мимо маленькой, затонувшей в густой зелени акаций дачи, до слуха моего донесся знакомый, сразу взволновавший меня голос. Любопытство было так сильно, что я (хотя моя совесть и возмутилась против этого) остановилась и, скрытая кустами зелени, стала прислушиваться и наблюдать. Боже мой! Прежде всего я увидела «его», моего кумира, мою демоническую натуру, моего гордого гения, моего «Серасате и Паганини» вместе. Он сидел перед террасой, около круглого зеленого стола. На коленях у него держался ребенок месяцев трех-четырёх, с бессмысленным, сморщенным лицом и головой, качающейся во все стороны. Против него толстая женщина, без корсета, в сером платье, засаленном на груди, варила на переносной печке варенье. Четверо других детей – трое мальчиков и девочка – толпились

около дымящегося таза, время от времени украдкой обли-
зывая ложки с настывавшим на них сиропом. Картину до-
полняли еще две женщины, сидевшие около того же кругло-
го зеленого стола: старушка лет восьмидесяти, вязавшая чу-
лок, и горбатая женщина, скорее девушка, с птичьим лицом,
но очень похожая на моего «Паганини», которая, то прибли-
жая, то удаляя от глаз младенца блестящий стакан, заставля-
ла его вскрикивать, пускать ртом пузыри и тянуться вперед
руками. Глядя на эту невинную забаву, и толстая женщина,
и старушка с чулком, и сам «Паганини» улыбались блажен-
ными улыбками, улыбками счастливого отца, довольной ма-
тери и бабушки, пользующейся в доме заслуженным поче-
том. При этом мой демонический музыкант с любовной за-
ботливостью вытирал какой-то грязной тряпкой мокрые гу-
бы и нос своего ребенка.

Вдруг, повинувшись притягательной силе моего пристально-
го взгляда, музыкант повернул голову. Я видела только, как
его лицо покрылось густой краской, как его руки инстинк-
тивно протянулись, чтобы дать дитя горбатой девушке. Что
было дальше, я не знаю, не помню... я бросилась бежать, бе-
жать и бежать, унося в сердце нестерпимую боль стыда, жа-
лости и злобы...

Ну а развязку вы, конечно, знаете. Через полгода я стала
женой представительного кавалерийского генерала.